

ПАУЛС ЮРЕВИЧС – ОСНОВАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛАТЫШСКОЙ ФИЛОСОФИИ

М. В. Кирчанов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 марта 2018 г.

Аннотация: автор анализирует взгляды Паулса Юревичса – основателя современной латышской философии. Показано, что Паулс Юревичс внес вклад в философию национализма. Предполагается, что Паулс Юревичс предвосхитил анализ проблем массовой культуры и популяризировал западную и античную философию в Латвии. Особое внимание уделено восприятию нации и идентичности в наследии латышского философа.

Ключевые слова: латышская философия, идентичность, национализм, эмиграция.

Abstract: *the author analyzes views of Pauls Jurevičs – the founder of modern Latvian philosophy. It is shown that Pauls Jurevičs made the significant impact to the philosophy of nationalism. It is assumed that Pauls Jurevičs anticipated an analysis of the problems of mass culture and popularized Western and ancient philosophy in Latvia. Particular attention is paid to the perception of the nation and identity in the heritage of the Latvian philosopher.*

Key words: *Latvian philosophy, identity, nationalism, exile.*

Латвия, несмотря на то что появилась на политической карте Европы только в 1918 г. и восстановила свою государственную независимость в 1990 г., принадлежит к числу тех малых европейских стран, где сложилась уникальная философская традиция, которая, к сожалению, практически не изучена в российской историографии. История латышской философии фактически неизвестна в России. Несмотря на институционализацию балтийских исследований, число авторов, которые занимаются фундаментальными проблемами культурной и интеллектуальной истории и археологии идей, невелико [1–4]. Имена Паулса Юревичса, Харалдса Биезайса, Теодорса Целмса, Паулса Дале, Станиславса Ладусанса [5–8] практически ничего не говорят российским историкам западной философии, несмотря на то что их идеи были органической частью европейского культурного и интеллектуального дискурсов.

Целью статьи является анализ интеллектуального наследия Паулса Юревичса (Pauls Jurevičs, 1891–1981) как философа, внесшего наибольший вклад в становление национальной латышской философии.

Латышская философия на протяжении всего XX столетия была тесно связана с национализмом. Несколько факторов повлияли на основные векторы ее развития, включая: латышские интеллектуалы, которые были философами, были теоретиками латышского национализма; латышские философы сочетали философские штудии с другими гумани-

тарными исследованиями; значительная степень идеологизации философских дебатов содействовала миграции концепций латышских авторов в направлении политической идеологии; четыре политических фактора (независимость, советская оккупация, социальный и интеллектуальный опыт изгнания или *trimda* [9–12] и восстановление государственного суверенитета существенно повлияли на развитие латышской философии. Современные латышские интеллектуалы [13–14] отмечают взаимосвязь между национальной философией и политической идеологией национализма в XX в., признавая несомненный вклад Паулса Юревичса в философию и политическую традицию.

Паулс Юревичс был тем автором, который представлял молодую философскую традицию Латвии в Европе, потому что его работа об Анри Бергсоне была опубликована на французском языке, поставив автора в один ряд с другими европейскими мыслителями межвоенного периода [15]. При этом П. Юревичс был среди тех латышских авторов, кто активно популяризировал античную [16] и западную (французскую [17–20], английскую [21] и немецкую [22]) философию в независимой Латвии между двумя мировыми войнами и попытался синтезировать философию экзистенциализма, которую он активно популяризировал [23], с идеологией национализма в эмиграции. Начав свой путь философа в Российской Империи, П. Юревичс стал и одним из первых латышских историков и критиков русской философии [24–25].

П. Юревичс был среди тех латышских авторов, кто пытался академическими средствами сформулировать «вопрос нашей жизни» [26] как национального политического существования латышской нации в Европе, которая в воображении латышских авторов ассоциировалась с «*riētumi kultūras ideāli*» или «идеалами западной культуры» [27], ставшими изобретенной политической традицией в латышском национальном проекте XX века. П. Юревичс идеализировал культурное и интеллектуальное влияние Европы, полагая, что «европейский шарм» основывается на греческом и римском наследии, которые слились с культурой германцев и христианства, став стимулом для кристаллизации уникальной европейской идентичности, куда П. Юревичс включал и Латвию. П. Юревичс в связи с этим полагал, что политический и культурный европеизм стимулирует «латышскость» (*latviskums*), которая в свою очередь порождает европеизм [28].

Латышские интеллектуалы стремились найти истоки современной философии Латвии в национальной идентичности, народной традиционной культуре, воображаемой ими как социальная и культурная прародина латышского идеализма. П. Юревичс полагал, что латышский национальный идеализм коренится в человеческом индивидуализме, свободе и уважении личности. Латышский культурно-исторический тип, представленный «латышским человеком» («*latviešu cilvēks*»), как полагал П. Юревичс, сложился под влиянием нескольких факторов, включая «природа Родины», латышский язык, «истинное народное прошлое», «отеческие могиль» и «борьба за землю» [29]. В этом контексте

идеи П. Юревичса были неотъемлемой частью романтического националистического дискурса. По мнению П. Юревичса, эти ценности не были исключительно и только латышскими, но являлись европейскими, потому что латышский философ воображал латышей как представителей европейской культурной и духовной традиции.

Рассматривая латышей как часть европейской семьи наций, Паулс Юревичс признавал, что латышская идентичность, основанная на «европейском гуманистическом национальном идеализме» и «идеале латвийскости» (*latvietības ideāls*), сталкивается с теми же вызовами и проблемами, что и другие нации Европы, которым угрожает «варварский азиатизм», представленный советским большевизмом [30]. 14 июня 1940 г. П. Юревичс воспринимал как начало «русской оккупации» (*krievu okupācija*) и «день латышской национальной боли» (*latvju tautas sāru diena*) [31]. Усилиями латышских интеллектуалов категория *eksistence* была перенесена с опыта отдельного индивида на трагедию нации, которая в первой половине XX в. пережила две мировые войны, несколько занятий территории войсками других государств, непродолжительный период политического развития, инкорпорацию в СССР и вынужденную эмиграцию значительной части национальной культурной элиты.

Пространные размышления о важности быть латышом и сохранять идентичность [32] стали общим местом в текстах латышских интеллектуалов. «*Latviešu cilvēks*» [33], или «латышский человек», как персонифицированный вариант политического тела нации и биологическое олицетворение концепта *latvietība* (латышскость) стал одним из центральных героев латышского философского дискурса, который колебался между национальным идеализмом и вынужденным признанием неизбежности кризиса идентичности и вынужденной ассимиляции как поражения «национального эгоизма» перед лицом эгоизма индивидуального [34]. Полагая, что латыши являются малой нацией, П. Юревичс полагал, что они составляют часть мировой культуры [35], признавая при этом противоречивое влияние восточных и западных традиций [36] на развитие латышской идентичности.

В этом контексте стала неизбежной актуализация идеи деградации и эрозии человека перед вызовами механизации [37] и динамично развивавшейся массовой культуры, которая подменяла разделение на культуру масс и культуру элит формализованным снобизмом потребления [38]. Литература, как полагал латышский философ, стала первой жертвой культа потребления [39]. П. Юревичс, который был одним из первых латышских философов культуры [40], историков античной философии [41], западной литературы [42–44] и искусства XX в. [45–46], настаивал, что современный мир стал жертвой конфронтации культуры модерна и традиции, что привело к фрагментации культурных пространств и постепенному отмиранию традиционных высоких и религиозных культур [47–48], которые не смогли эффективно конкурировать с массовой.

Человек эпохи модерна, или «*modernais cilvēks*», в философии П. Юревичса перестал быть «латышом как земледельцем» [49], но стал, с одной

стороны, изгнанником, вынужденным актуализировать связь со своим сообществом через язык и общее прошлое [50], а с другой – неизбежным результатом исторического развития западного общества, «продуктом» механизации, «продуктом продукта» [51], жертвой современности с ее прогрессом, который, по мнению латышского философа, породил правые и левые угрозы культуре в лице нацизма и большевизма, заставив человека разочароваться в жизни под влиянием растущей власти технократов, которые превратили мир в почти реализованную антиутопию в стиле О. Хаксли или Дж. Оруэлла [52].

П. Юревичс полагал, что XX в. стал эпохой культурного упадка, хотя сам пытался сохранять и популяризировать общеевропейские и латышские культурные и литературные традиции [53–55], популяризируя их в сообществах латышей, которые после событий 1940 г. оказались в эмиграции. Комментируя противоречия, порожденные модернизацией, латышский философ полагал, что XX в. заслужил репутацию века прогресса и дикости одновременно. С формальной точки зрения латышский автор полагал, что новейшая история стала временем противостояния коммунизма и христианства [56], но П. Юревичс видел в этом проявление политической конъюнктуры и не абсолютизировал христианство и коммунизм в их противостоянии.

П. Юревичс полагал, что ужасы концентрационных лагерей Второй мировой войны и сталинские репрессии решительно перечеркнули культурные достижения предшествующих эпох [57], а кризис христианства стимулировал появление тоталитарных режимов в XX в. [58], став основой *tragiskā eksistence* [59] – трагической экзистенции человека, утратившего иррациональную веру в Бога и рациональную веру в идеалы прогресса. Подобный человек, как полагал П. Юревичс, сам станет творцом будущей духовной катастрофы [60], хотя латышский философ был склонен позиционировать культуру Запада от Великобритании и Франции до США и Австралии [61–63] как универсальную и способную адаптироваться к изменившимся социальным и культурным условиям после раскола мира в результате Второй мировой войны.

В латышской философии эта идея оказалась среди самых востребованных потому, что страх эрозии человеческого сочетался с опасениями ассимиляции национального, так латыши ассимилировались как в эмиграции, так и в СССР. Абсолютизация взаимозависимости между понятиями *kultūra* и *tauta* (нация) в философии П. Юревичса стала фактически неизбежной. Идеализируя эти понятия, придавая им едва ли не центральное значение, П. Юревичс вместе с тем понимал и то, что эти основания современных наций не в состоянии успешно конкурировать с новыми тотальными по степени своего воздействия идеологиями коммунизма и капитализма. П. Юревичс, свидетель двух мировых войн, утраты независимости страны, исхода интеллигенции на Запад, был вынужден делать крайне неприятные выводы, полагая, что его абстрактный современник стал заложником прогресса и жертвой отчуждения, потому что современный человек утратил связь с прошлым. Латышский

философ был вынужден констатировать, что, несмотря на формальные отличия, никакой существенной разницы между капиталистическим и коммунистическим мирами не существует, потому что в их основе лежит постоянно возрастающее потребление, ведущее к «деградации духа» как на Западе, так и на Востоке.

Паулс Юревичс, получивший образование в Московском и Юрьевском университетах, степень доктора в Латвии, активно работавший в университетах Франции и США, стал первым латышским философом известным за пределами Латвийской Республики. Философия Паулса Юревичса отмечена попытками соединить ценности и принципы латышского национализма с современными ему трендами и тенденциями в западной философии, популяризацией которой он занимался как в Латвии, так и в эмиграции.

Паулс Юревичс, как националист, активно занимался изучением феномена латышской идентичности в ее культурном и социальном измерении, став одним из первых академических исследователей латышской народной культуры и традиции как системных оснований современной идентичности. Будучи националистом, Паулс Юревичс не проповедовал национализм в его этнических проявлениях, став теоретиком культурного национализма европейского толка, настаивая на принадлежности Латвии и латышей к большому европейскому культурному дискурсу и интеллектуальному пространству. Среди заслуг Паулса Юревичса – разработка латышской философии культуры и культурной антропологии, развитие национальной версии экзистенциализма и теории массовой культуры.

Философские взгляды Паулса Юревичса, которые воспринимаются современными латышскими интеллектуалами как ключевые в интеллектуальной истории и истории национальной философии, еще ждут своего исследователя как в Латвии, так и в России. Значительное число вопросов, связанных с наследием философа, остаются малоизученными. Практически не исследованы лингвистические уровни текстов Паулса Юревичса в контекстах развития латышского идентичности, национального воображения и политического языка. К сожалению, наследие Паулса Юревичса остается неизвестным в России, переводы его работ на русский язык отсутствуют. Дальнейшее изучение работ Паулса Юревичса в контекстах интеллектуальной истории и археологии идей может стать стимулом для появления междисциплинарных исследований, которые существенно расширят горизонты истории зарубежной философии.

Литература

1. Кирчанов М. В. Четыре модернизации : исторические преемственности и политические разрывы (национализм, нация и идентичность в Латвии) / М. В. Кирчанов. – Воронеж : Кварта, 2015. – 596 с.
2. Kyrchanoff M. W. Oriental Studies in Latvia between cultural origins, the Soviet displacement and actual forms of national Orientalism / M. W. Kyrchanoff

// Acta Orientalia Voronensia. – Воронеж: Факультет международных отношений – Центр восточных исследований, 2017. – С. 29–82.

3. Рыжакова С. И. Этнокультурные представления об основах латышской идентичности : дис. ... д-ра ист. наук / С. И. Рыжакова. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2011. – 609 с.

4. Рыжакова С. И. Historica lettica : национальная история и этническая идентичность / С. И. Рыжакова. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2010. – 597 с.

5. Balodis A. Dzīves/dzīvības izpratne Paula Jureviča filozofijā un viņa neofinālisma koncepcija / A. Balodis // Kultūras identitātes dimensijas / red. Solveiga Krūmiņa-Koņkova. – Rīga : LU aģentūra “LU Filozofijas un socioloģijas institūts”, 2011. – 21. – 34. lpp.

6. Lapinska I. Izziņas problemātika Paula Jureviča darbos / I. Lapinska // Kultūras identitātes dimensijas / red. Solveiga Krūmiņa-Koņkova. – Rīga : LU aģentūra “LU Filozofijas un socioloģijas institūts”, 2011. – 35. – 42. lpp.

7. Kūlis M. Patiesības izpratne Latvijas filozofijā 20. gadsimta divdesmitajos un trīsdesmitajos gados : Teodors Celms un Jūlijs Aleksandrs Students / M. Kūlis // Kultūras identitātes dimensijas / red. Solveiga Krūmiņa-Koņkova. – Rīga : LU aģentūra “LU Filozofijas un socioloģijas institūts”, 2011. – 43. – 58. lpp.

8. Kiope M. Nacionālās identitātes intelektuālās dimensijas atklāšanās profesora Staņislava Ladusāna, SJ dzīves liecībās / M. Kiope // Kultūras identitātes dimensijas / red. Solveiga Krūmiņa-Koņkova. – Rīga : LU aģentūra “LU Filozofijas un socioloģijas institūts”, 2011. – 59. – 80. lpp.

9. Bela B. Trimda kā vērtību katalizators / B. Bela // Kultūras identitātes dimensijas / red. Solveiga Krūmiņa-Koņkova. – Rīga : LU aģentūra “LU Filozofijas un socioloģijas institūts”, 2011. – 145. – 158. lpp.

10. Gāle-Kārpentere I. Trimda kā dzīves attīstības modelis / I. Gāle-Kārpentere // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A daļa. – 1994. – Nr. 4 (561). – 19. – 24. lpp.

11. Bela-Krūmiņa B. Kultūras nozīme latviskās identitātes uzturēšanā un pārantošanā trimdā / B. Bela-Krūmiņa // Trimda. Kultūra. Nacionālā identitāte. Konferences rakstu krājums / sast. D. Kļaviņa, M. Brancis. – Rīga: Nordik, 2004. – 528. – 541. lpp.

12. Hinkle M. Latviskā identitāte un trimdas kultūra Amerikas latviešu dzīvesstāstos / M. Hinkle // Trimda. Kultūra. Nacionālā identitāte. Konferences rakstu krājums / sast. D. Kļaviņa, M. Brancis. – Rīga : Nordik, 2004. – 510. – 527. lpp

13. Freiberga E. Pauls Jurevičs un nacionālā ideoloģija / E. Freiberga // Kultūras identitātes dimensijas / red. Solveiga Krūmiņa-Koņkova. – Rīga : LU aģentūra “LU Filozofijas un socioloģijas institūts”, 2011. – 3. – 21. lpp.

14. Freiberga E. Vērtību problēma Paula Jureviča filozofijā / E. Freiberga // Letonika. Pirmais kongress. Modernitāte : filozofija, kristīgās vērtības, mutvārdu vēsture Latvijā. Rīga: FSI, 2006. – 218. – 225. lpp.

15. Mintauris M. Intelektuāļu nozīmes atgādinājums. Latviešu filozofa Paula Jureviča laikmetīgās pārdomas par politiku / M. Mintauris // Domuzīme. – 2016. – 29. Novembris.

16. Jurevičs P. Platons dzīvē un darbā / P. Jurevičs. – Rīga : Ā. Raņķa grāmatu tirgotavas apgāds, 1930.

17. *Jurevičs P.* Le problème de la connaissance dans la philosophie de Bergson / P. Jurevičs. – Paris, 1930.

18. *Jurevičs P.* Bergsona mācība par tikumības divi avotiem / P. Jurevičs // Burtnieks. – 1933. – Nr. 2. – 136. – 144. lpp. ; Nr. 3. – 222. – 228. lpp.

19. *Jurevičs P.* Bergsona kultūras filozofija / P. Jurevičs // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts. – 1933. – Nr. 12. – 469. – 480. lpp.

20. *Jurevičs P.* Divi apziņas filozofi : Bergsons un Teichmillers / P. Jurevičs // Ceļi. – 1934. – Nr. 7. – 21. – 93. lpp.

21. *Jurevičs P.* Modernā angļu filozofija / P. Jurevičs // Jurevičs P. Pretstatu pasaule / P. Jurevičs. – Grāmatu draugs, 1973. – 217. – 243. lpp.

22. *Jurevičs P.* sastapšanās ar Heidegeru un viņa filozofiju / P. Jurevičs // Jurevičs P. Pretstatu pasaule / P. Jurevičs. – Grāmatu draugs, 1973. – 28. – 39. lpp.

23. *Jurevičs P.* Ievads eksistences filozofijā / P. Jurevičs // Jurevičs P. Kultūras sejas / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1960. – 187. – 208. lpp.

24. *Jurevičs P.* Iepazīšanās ar V. Solovjevu un viņa filozofiju un misticismu / P. Jurevičs // Jurevičs P. Pretstatu pasaule / P. Jurevičs. – Grāmatu draugs, 1973. – 40. – 69. lpp.

25. *Jurevičs P.* Dostojevskas Lielinkvizitora midernitāte / P. Jurevičs // Jurevičs P. Pretstatu pasaule / P. Jurevičs. – Grāmatu draugs, 1973. – 70. – 90. lpp.

26. *Jurevičs P.* Pilnvērtīgā dzīve / P. Jurevičs // Jurevičs P. Dzīve un liktenis : Refleksijas par latvisko eksistenci / P. Jurevičs. – Kopenhāgena : Imanta, 1955. – 9. – 13. lpp.

27. *Jurevičs P.* Mūsu nacionālo centieni pamati / P. Jurevičs // Jurevičs P. Dzīve un liktenis : Refleksijas par latvisko eksistenci / P. Jurevičs. – Kopenhāgena : Imanta, 1955. – 28. – 57. lpp.

28. *Jurevičs P.* Eiropas šarms / P. Jurevičs // Jurevičs P. Dzīve un liktenis : Refleksijas par latvisko eksistenci / P. Jurevičs. – Kopenhāgena : Imanta, 1955. – 126. – 134. lpp.

29. *Jurevičs P.* Turēšanās pie Tēvzemes / P. Jurevičs // Jurevičs P. Dzīve un liktenis : Refleksijas par latvisko eksistenci / P. Jurevičs. – Kopenhāgena : Imanta, 1955. – 121. – 125. lpp.

30. *Jurevičs P.* Mūsu trimdas tautas pastāvēšanas nosacījums / P. Jurevičs // Jurevičs P. Dzīve un liktenis : Refleksijas par latvisko eksistenci / P. Jurevičs. – Kopenhāgena : Imanta, 1955. – 104. – 120. lpp.

31. *Jurevičs P.* Pārdomas latvju tautas sēru dienā / P. Jurevičs // Jurevičs P. Dzīve un liktenis : Refleksijas par latvisko eksistenci / P. Jurevičs. – Kopenhāgena : Imanta, 1955. – 148. – 152. lpp.

32. *Jurevičs P.* Pie kā turēties / P. Jurevičs // Jurevičs P. Dzīve un liktenis : Refleksijas par latvisko eksistenci / P. Jurevičs. – Kopenhāgena : Imanta, 1955. – 23. – 27. lpp.

33. *Jurevičs P.* Kāpēc mēs gribam palikt latvieši? / P. Jurevičs // Jurevičs P. Dzīve un liktenis : Refleksijas par latvisko eksistenci / P. Jurevičs. – Kopenhāgena : Imanta, 1955. – 14. – 16. lpp.

34. *Jurevičs P.* Kā dzīvot un izturēt / P. Jurevičs // Jurevičs P. Dzīve un liktenis : Refleksijas par latvisko eksistenci / P. Jurevičs. – Kopenhāgena : Imanta, 1955. – 58. – 70. lpp.

35. *Jurevičs P.* Modernais cilvēks / P. Jurevičs // Jurevičs P. Variācijas par moderno cilvēku / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1956. 92. – 112. lpp.

36. *Jurevičs P.* Latviešu emocionālā attieksme pret Rietumu kultūru / P. Jurevičs // Latviešu kultūra laikmetu maiņās / red. H. Biezais. – Stokholma : Daugava, 1966. – 7. – 24. lpp.

37. *Jurevičs P.* Kas jāsaka cilvēkiem? / P. Jurevičs // Jurevičs P. Dzīve un liktenis: Refleksijas par latvisko eksistenci / P. Jurevičs. – Kopenhāgena : Imanta, 1955. – 71. – 80. lpp.

38. *Jurevičs P.* Snobisma varā / P. Jurevičs // Jurevičs P. Dzīve un liktenis : Refleksijas par latvisko eksistenci. – Иманта, Копенгаген, 1995. – 158 p.

39. *Jurevičs P.* Literātūra un sekса kults / P. Jurevičs // Jurevičs P. Pretstatu pasaule / P. Jurevičs. – Grāmatu draugs, 1973. – 197. – 216. lpp.

40. *Jurevičs P.* Kultūras oriģinālitate / P. Jurevičs // Jurevičs P. Kultūras sejas / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1960. – 100. – 126. lpp.

41. *Jurevičs P.* Platons / P. Jurevičs // Jurevičs P. Kultūras sejas / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1960. – 356. – 397. lpp.

42. *Jurevičs P.* Literātūras sabiedriskās problemās Francijā / P. Jurevičs // Jurevičs P. Kultūras sejas / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1960. – 229. – 250. lpp.

43. *Jurevičs P.* Literārizētais cilvēks / P. Jurevičs // Jurevičs P. Kultūras sejas / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1960. – 251. – 290. lpp.

44. *Jurevičs P.* Abstraktā māksla un sirreālisms / P. Jurevičs // Jurevičs P. Kultūras sejas / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1960. – 209. – 228. lpp.

45. *Jurevičs P.* Augstkultūras ideāls / P. Jurevičs // Jurevičs P. Kultūras sejas / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1960. – 9. – 26. lpp.

46. *Jurevičs P.* Statiskā un dinamiskā reliģija / P. Jurevičs // Jurevičs P. Kultūras sejas / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1960. – 321. – 355. lpp.

47. *Jurevičs P.* Mūsu laikmeta iezīmes / P. Jurevičs // Jurevičs P. Variācijas par moderno cilvēku / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1956. 9. – 38. lpp.

48. *Jurevičs P.* Mūsu pagātnes aktuālitate / P. Jurevičs // Jurevičs P. Kultūras sejas / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1960. – 127. – 156. lpp.

49. *Jurevičs P.* Cilvēka cieņa / P. Jurevičs // Jurevičs P. Variācijas par moderno cilvēku / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1956. 52. – 81. lpp.

50. *Jurevičs P.* Divējādās pasaules / P. Jurevičs // Jurevičs P. Variācijas par moderno cilvēku / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1956. 39. – 51. lpp.

51. *Jurevičs P.* Dzejas sabiedriskā sūtība / P. Jurevičs // Jurevičs P. Variācijas par moderno cilvēku / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1956. – 197. – 216. lpp.

52. *Jurevičs P.* Literātūra un modernais cilvēks / P. Jurevičs // Jurevičs P. Variācijas par moderno cilvēku / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1956. – 217. – 242. lpp.

53. *Jurevičs P.* Heidegera eksistenciālā filozofija / P. Jurevičs // Jurevičs P. Variācijas par moderno cilvēku / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1956. – 276. – 308. lpp.

54. *Jurevičs P.* Komūnisma un kristiānisma sarežģītās attiecības / P. Jurevičs // Jurevičs P. Pretstatu pasaule / P. Jurevičs. – Grāmatu draugs, 1973. – 91. – 114. lpp.

55. *Jurevičs P.* Kristīgā kultūra / P. Jurevičs // Jurevičs P. Variācijas par moderno cilvēku / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1956. – 133. – 153. lpp.

56. *Jurevičs P.* Kristīgā gara krīze / P. Jurevičs // Jurevičs P. Variācijas par moderno cilvēku / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1956. – 154. – 162. lpp.

57. *Jurevičs P.* Modernais cilvēks un dievticība / P. Jurevičs // Jurevičs P. Variācijas par moderno cilvēku / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1956. 163. – 196. lpp.

58. *Jurevičs P.* Technika un reliģija / P. Jurevičs // Jurevičs P. Variācijas par moderno cilvēku / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1956. – 260. – 275. lpp.

59. *Jurevičs P.* Angliskā vide / P. Jurevičs // Jurevičs P. Kultūras sejas / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1960. – 27. – 50. lpp.

60. *Jurevičs P.* Austrālijas impresijas / P. Jurevičs // Jurevičs P. Kultūras sejas / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1960. – 51. – 72. lpp.

61. *Jurevičs P.* Amerikānisms eiropiešu skatījumā / P. Jurevičs // Jurevičs P. Kultūras sejas / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1960. – 73. – 99. lpp.

62. *Jurevičs P.* Kultūra un tauta / P. Jurevičs // Jurevičs P. Dzīve un liktenis : Refleksijas par latvisko eksistenci / P. Jurevičs. – Kopenhāgena : Imanta, 1955. – 17. – 22. lpp.

63. *Jurevičs P.* Paaudžu un pasaules uzskatu konflikti / P. Jurevičs // Jurevičs P. Variācijas par moderno cilvēku / P. Jurevičs. – Stokholma : Daugava, 1956. – 113. – 132.lpp.

Воронежский государственный университет

Кирчанов М. В., доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран

E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Voronezh State University

Kyrchanoff M. W., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Regional Studies and Economics of Foreign Countries Department

E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com